

РОБЕРТ ШЕКЛИ
ЧЕЛОВЕКО-МИНИМУМ

ЗФ

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Роберт Шекли' (Robert Shekeli). The signature is stylized and fluid.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, 1960–1978

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ЧЕЛОВЕКО- МИНИМУМ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

ЦАРИЦЫН, 2017

РАССКАЗ
О
ШПИОНАХ

Рис. В. Горяева

Я попал в нелепейшую историю, хуже трудно себе представить. Не так-то просто и объяснить, как это все произошло. Но начну по порядку.

В 1991 году я окончил техническое училище и сразу же стал работать техником по сфинкс-электронным лампам в Старлинговской компании космических кораблей. Я очень любил эти громадные звездолеты, с ревом взмывающие ввысь, к Лебедю или, скажем, к Альфе-Центавра. Был я тогда, как говорится, молодым человеком с будущим. И друзья у меня были и даже знакомые девушки. И работа меня вполне устраивала. Но существовало одно «но», и тут уж я ничего не мог поделать; я не мог нормально работать при всем этом множестве скрытых фотоаппаратов, навешенных на мои руки. Не то, чтобы я возражал против самих фотоаппаратов. Нисколько. Но их непрерывное жужжание! Я просто не мог сосредоточиться. Я стал жаловаться в Департамент Внутренней Безопасности:

— Послушайте, — сказал я им, — почему бы вам не поставить мне новые, бесшумные аппараты, такие же, как у всех остальных?

Но им было не до меня: государственные заботы поглощали все их внимание.

А тут еще тысячи мелочей стали выводить меня из терпения. Взять хотя бы магнитофон, установленный в моем телевизоре.

Эти бездельники из ФБР никак не могли правильно его отрегулировать, и он гудел все ночи напролет. Я много раз жаловался:

— Послушайте, — говорил я, — ведь ни у кого магнитофон так не гудит. Чем же я хуже других?

Но в ответ я всегда слышал старую песню о необходимости выиграть «холодную войну» и о том, что на всех не угодишь. От подобных вещей как-то начинаешь терять уважение к самому себе.

По-видимому, мое правительство попросту пренебрегало мной.

Возьмите, например, моего Шпиона. Я числился Подозреваемым 18-D — в одной рубрике с вице-президентом, — что давало мне право находиться под частичным надзором. Но мой личный Шпион, должно быть, вообразил себя киноактером, потому что он не появлялся иначе, как в замызганном плаще и в зловеще надвинутой на глаза шляпе. Худой, нервный, он буквально наступал мне на пятки от страха потерять меня из виду. Надо отдать ему должное, он очень старался. В профессии Шпиона конкуренция занимает немалое место, и я не мог побороть невольного сострадания при виде его тщетных усилий. Но в конце концов мне это стало надоедать: вечно вместе, эдакие сиамские близнецы. Мои товарищи хохотали до слез, когда я появлялся, таща его за собой, как на буксире.

— Билл, — покатывались они, — где ты раздобыл такое сокровище?

А моя девушка жаловалась, что от одного его вида ее бросает в дрожь.

Разумеется, я пошел в Комиссию по Расследованию и сказал:

— Послушайте, неужели вам трудно дать мне квалифицированного Шпиона, как у всех моих знакомых?

Мне ответили, что рассмотрят мое заявление, но я-то знал, что был недостаточно крупной фигурой для этого.

Все эти, казалось бы, пустяки страшно действовали мне на нервы, а любой психолог скажет вам, что не требуется чего-либо из ряда вон выходящего, чтобы свести человека с ума. Я был сыт по горло равнодушием и пренебрежением.

Тогда-то я и начал подумывать о Дальнем Космосе. Там простираются миллиарды квадратных

— Вы можете остаться, — великодушно сказал я.

— Благодарю вас, — проговорила она с чувством. — Я вижу, что вы действительно меня поняли!

— Да, да, конечно, — сказал я. — Но нам надо сначала кое о чем договориться. Во-первых...

Но она с доверчивой улыбкой на губах уже спала на моей койке.

Я немедленно исследовал содержимое ее сумочки. Я обнаружил пять видов губной помады, пудреницу, флакон духов «Венера V», томик стихов в бумажном переплете и значок с надписью «Особый Агент ФБР».

Разумеется, это не было для меня неожиданностью: только Шпионы говорят так, как говорила она.

Что ж, я был даже слегка тронут столь далеко простирающейся заботой моего правительства. Во всяком случае, мне уже не было так одиноко в Космосе.

Наш корабль рассекал глубины Американского Космоса. Работая по пятнадцать часов в сутки, я кое-как справлялся с рычагами управления и довольно успешно предотвращал перегрев атомного котла и расползание швов корпуса. Мэвис О'Дэй — так звали моего Шпиона — готовила пищу, выполняла несложные обязанности по хозяйству и рассовывала по углам небольшие фотоаппараты. Наш звездолет содрогался от их жужжания, но я делал вид, что ничего не замечаю.

Между тем, невзирая на создавшееся положение, мои взаимоотношения с мисс О'Дэй могли бы удовлетворить любого моралиста.

Наше путешествие проходило вполне благополучно, я бы даже сказал, счастливо, когда произошло следующее событие.

Я мирно дремал за пультом управления, как вдруг ослепительный свет вспыхнул справа по носу корабля. Я невольно поддался назад и сбил при этом с ног Мэвис, вставлявшую новую пленку в фотоаппарат № 3.

— Простите, ради бога, — сказал я.

— Пожалуйста, — ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. На мгновение это прелестное существо оказалось совсем близко от меня, дразнящий запах «Венеры V» щекотал мои ноздри, и мое сердце забилось с устрашающей силой.

— Вы не находите, что могли бы уже отпустить меня? — спросила она.

— Да, да, конечно, — проговорил я, продолжая прижимать ее к себе. Остатки самообладания покинули меня: — Мэвис, мы познакомились с вами совсем недавно, но...

Рис. А. Гусева

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а дальше узкий проход между домами — там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась рука в черном, в ней что-то блеснуло. Рэдер бросился навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно. Проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шумам за дверью. Его лицо с красными от усталости глазами и двухдневной щетиной на щеках то застывало, то вдруг подергивалось от страха, но в нем теперь был характер, — ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Нет, конечно, Рэдер мог еще двигаться, дышать, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер сильно закусил губу. Хочется жить! И должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартиру, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Рис. Н. Гришина

— Нет, правда, видели вы хоть раз такие замечательные моторы? — спросил Джо, Межзвездный старьевщик.

— Гм-м, — равнодушно отозвался Грегор.

— А корпус? — ласково сказал Джо. — Держу пари, ей не меньше пятисот лет — и ни одного пятнышка ржавчины! — Он любовно похлопал по сверкающему боку лодки.

— С виду лодка ничего, — сказал Арнольд; он напоминал человека, который влюблен по уши, но изо всех сил старается это скрыть. — А ты как думаешь, Дик?

Ричард Грегор промолчал. Лодка неплохая, как раз то, что им надо для обследования океанских глубин на Трайдене. Но со старьевщиком Джо надо держать ухо востро.

— Таких теперь уже не строят, — вздохнул Джо. — Посмотрите на блок движения — молотом не разобьешь. Обратите внимание на охлаждающую установку. Проверьте...

— На вид лодка не плоха, — нехотя согласился Грегор.

Межпланетная служба дезинфекции (и переустройства), в которой работали Арнольд и Грегор, уже имела дело с Джо и в свое время получила урок. Не то чтобы Джо был жулик, ничего подобного.

Механический хлам, который он собирал по всем уголкам обитаемого космоса, обычно действовал. Но у этих древних машин часто бывало свое собственное представление о том, как выполнять ту или иную работу. И они капризничали, когда им навязывали какие-то новые правила.

— Прямо, — потребовал Грегор, — и полный вперед.

Спасательная лодка понеслась по сверкающей глади пустынного моря.

Арнольд, захватив ручной фонарик и инструменты, исчез в трюме. Исследовать море Грегор мог один — задача нетрудная. Автоматы делали всю работу, отмечали неровности в строении морского дна, определяли самые активные вулканы, составляли карту течений и рельефа дна.

— Кажется, я нашел поломку, — сказал Арнольд. — Сняты провода первичных активаторов. И силовой кабель перерезан. Но я быстро приведу ее в порядок.

Грегор велел лодке повернуть к острову, и теперь он стоял и смотрел, как у носа весело закипела зеленая пена. В такие минуты вопреки его довольно горькому опыту вселенная казалась ему прекрасной и благожелательной к человеку.

Появился Арнольд, весь перемазанный, но торжествующий.

— Ну-ка, нажми теперь на кнопку, — сказал он.

— Да ведь мы же почти добрались.

— Ну и что? Проверим, как эта штука работает.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Они услышали легкое шелканье — включились аппараты. С полдюжины крохотных механизмов вернулись к жизни. Вспыхнула красная лампочка, потом, мигнув, погасла — это заработали генераторы.

— Говорит спасательная лодка 324-А, — возвестила лодка. — Теперь я полностью включена и готова защитить своих пассажиров от опасности. Доверьтесь мне. Над психологическим и физиологическим воздействием моей системы потрудились величайшие умы Дрома.

— Ну, сейчас ты в полной безопасности, а? — спросил Арнольд.

— Вроде да, — ответил Грегор. — А где этот Дром?

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

Рис. В. Немухина

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонвина» не составляла исключения. Джим Рэдделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Не нужны мне крючья! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к дьяволу с моей волны!

— А что же мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

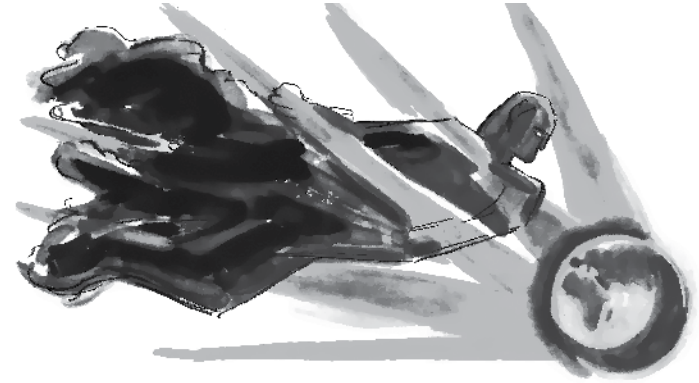
Какое-то время Рэдделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространствах поблизости от Земли.

Радио громыало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэдделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонвин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры.

Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог почитать или вздремнуть.

У Рэдделла были две задачи. Одна была разыскать корабль-автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет

ЭКСПЕДИЦИЯ ГЛОМА

Пид-Пилот уменьшил скорость корабля почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Не оставалось сомнений: во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков. Она казалась совсем безобидной. И все же было в ней нечто такое, что заставляло тревожиться участников экспедиции.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид на мгновение заколебался. Сейчас он и двое его подчиненных готовы. Компактные Сместители хранятся в сумках их тел, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду захотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не знал, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхность его тела непрерывно струилась.

Рис. К. Эдельштейна

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид загалгнул дыхание. Джер прошел мимо Человека. Он двинулся было к Джеру, но тот пустился бежать.

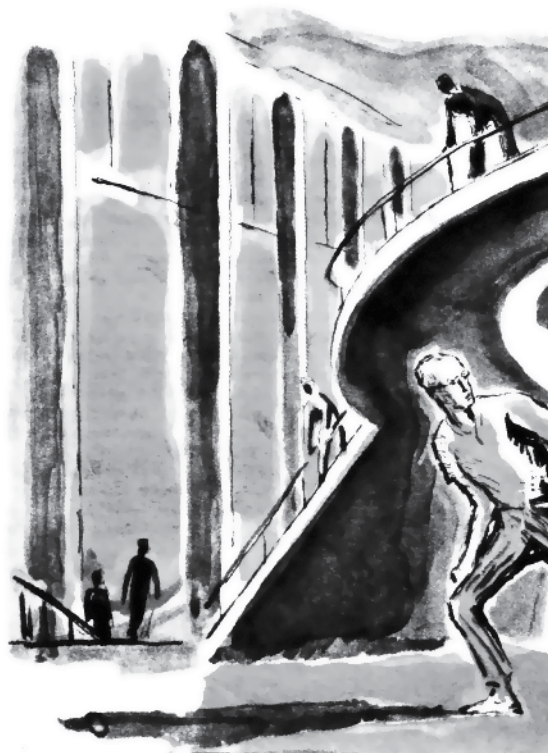
Пид приготовил две крепкие ноги, собираясь броситься на помощь, если Джера схватят. Однако часовой вернулся к воротам, а Джер спокойно побрел к входу в здание.

Пид вздохнул с облегчением.

Главный вход был закрыт. Пид надеялся, что Радист не сделает попытки открыть его: это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Джер попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Потом обе собаки побежали за угол.

«Это хитроумно, — подумал Пид. — Там непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на низкое солнце.

«Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут глоты. Когда Люди опомнятся, здесь соберется не менее миллиона войск с Глома. И это будет только началом!»

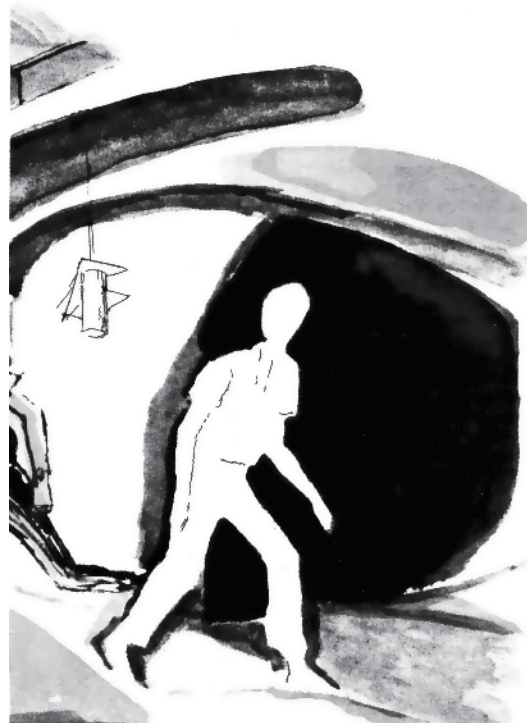
День медленно угасал, но ничего не происходило. Пид ждал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, а Джер все не появлялся.

Пид остался один.

К утру его охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома находится на грани полного провала. Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше он ничего не мог придумать. Он видел, как большие партии рабочих проходят в ворота.

Пид стал отливать в форму Человека. Мимо укрытия прошла Собака.

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ

...Черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, пустеет лицо, словно природа сделала там только черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступали причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

Рис. О. Целкова

— Совершенно невозможно, — категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — горячился Фред, его помощник и телохранитель. — Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову — и они...

— Погоди, — прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Оба вышли из звездолета перед рассветом. Их интересовало, какие обряды совершаются перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же имени. Обряды, сопутствующие восходу солнца, часто представляют собой красочное зрелище и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце, увы, взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрив верхушки дремучего леса дождевых деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь подметал дорожку у хижин. Он двигался, еле передвигая шаркающие ноги, — существо, похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое ему. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала только черновой набросок разумной жизни. У мусорщика была причудливая шишковатая голова и грязно-серая кожа.

набора для анализов, телефона и револьвера. Или он уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого ощутимого богатства.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножье утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

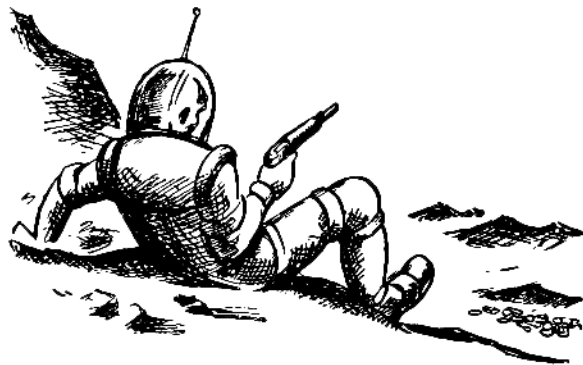
Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли остававшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда, наконец, он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Надо было попросить флягу», — говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот, наконец, он встал под «Особым

старательским» — выше колокольни, больше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

*Перевод с английского
А. Иорданского*

ЗАЯЦ

Рис. Н. Гришина

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после прибытия корабля с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Я хотел заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не намекаю, будто кто-нибудь мог бы их украсть, — все мы здесь, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако всякая мелочь тут дается с трудом, а состязание в проворстве — традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая Чрезвычайно Срочным, Совершенно Аварийным Ордером. К счастью, у меня хватило соображения выправить первоочередной ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он унесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые красиво выходят на цветных фотографиях, но безбожно забивают двигатели.

А я еще раз подошел к земному кораблю; меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета, широко раскрыв глаза-блюдечки, и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта. На лице его, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

ЧЕЛОВЕКО.

МИНИМУМ

«У каждого своя песня, своя музыка, — думал Антон Настойч. — Хорошенькая девушка заставляет вспомнить о нежной мелодии, а бравый космонавт — о грохоте труб. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, бесконечно прекрасный контрапункт, а есть подонки, чье существование кажется воплем гобоя, заглушенным неутомимой дробью басового барабана».

Обо всем этом Настойч размышлял, сжимая лезвие безопасной бритвы и рассматривая синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо, если у каждого своя музыка, то музыка Настойча — беспомощно задуманная и бездарно исполненная симфония ошибок.

При его рождении заиграли было под сурдинку рожки радости. Под приглушенный барабанный бой отважился юный Настойч пойти в школу. Он кончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей с опрокинутыми чернильницами, потерянными книгами и перепутанными бумагами. Вещам было свойственно ломаться у него в руках, если только не случалось наоборот и вещи не ломали ему руки.

Рис. Н. Гришина

торопливо скрылось за поворотом. Формой тела загадочное существо походило на огромного крота.

Последующие несколько дней Настойч осторожно зондировал туннели. Раза два-три он мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте ответвлений.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес очередную порцию плодов и ягод, показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством выступил навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет.

Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижимая сморщенные ручки к груди. Он остановился и взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то значок.

Настойч понятия не имел, что означает этот значок. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и способность к абстракции. Он нацарапал рядом со значком крота другой значок, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. Стоя за спиной у Настойча, робот наблюдал, как человек и тэтанец ищут единения.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное же время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно обучали Настойча.

КОЕ-
ЧТО
ЗАДАРОМ

Рис. Е. Шукеева

Ему как будто послышался чей-то голос. Но, может быть, просто померещилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках. Он не отрываясь смотрел на расплзшуюся по грязному, желтому потолку паутину трещин и следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина. Там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса «А», серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу «А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, какими, по мнению Коллинза, должна

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой отвечал человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него.

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пятьдесят Кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук. Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать!

— Все это сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — сказал Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают

где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие, забыл разве?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто не стояло вовсе.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не притворяйся простачком, приятель. Пора бы уже тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

*Перевела с английского
Т. Озерская*

Роберт Шекли — прогрессивный американский писатель, заслуживший большую известность своими сатирическими и фантастическими произведениями. По мнению некоторых критиков, в творчестве Шекли заметно плодотворное влияние таких писателей, как Джонатан Свифт и О'Генри.

Журнал «Вокруг света» уже знакомил читателей с его своеобразными фантастическими рассказами («Бунт спасательной лодки» в № 11, 1964 г., «Экспедиция с Глома», в № 10, 1965 г., «Особый старательский» в № 6 «Искателя» за 1965 г.).

В публикуемом рассказе писатель ставит своего героя, вполне земного, честного служаку с развитым чувством долга, в невыносимую фантастическую обстановку, и тому приходится мобилизовать всю свою волю и сообразительность, чтобы выдержать труднейший неожиданный экзамен. О «чудесах» телепатии автор говорит, не скрывая улыбки, явно подтрунивая над представлениями о широчайших ее возможностях.

Рис. С. Веча

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Прокоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер злоеющим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствия. Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливавший глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

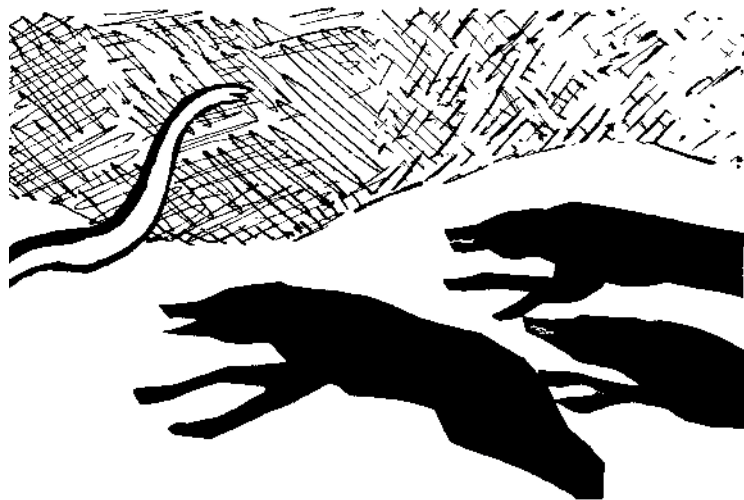
— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — По-

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Она коротко зарычала глубоким горловым рыком, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и что он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержишься пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его образ мыслей, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера учуяла его лишь в тот момент, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной; чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Рис. А. Антонова

Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, равнодушное, с тонкими чертами.

«Человек как человек», — думал полковник Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне курировать ваше дело, — ответил Серси. — Я ознакомился с отчетом профессора Даррига, — он кивнул в сторону своего спутника, — но хотелось бы узнать все из первоисточника.

— Конечно, — согласился пришелец и закурил сигарету. Повидимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие. «Любопытно», — подумал Серси. Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу.

— Я прибыл, — заговорил пришелец, — как вольный посол, представитель империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и приглашение вступить в наше межпланетное содружество.

— Понятно, — ответил Серси. — Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не приглашение, а требование.

— Вы будете участвовать в содружестве, — сказал посол. — Хотите вы этого или не хотите.

— Как вы нас разыскали? — осведомился Серси.

— Каждого из вольных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса, — объяснил пришелец. — Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

— Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и готовим ее обитателей к участию в нашем содружестве.

— А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм вольного посла вмонтировано передающее устройство, — ответил пришелец. — Оно включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов.

Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

— Конечно, — лицо Серси оставалось бесстрастным. — Расскажите подробнее о самом сигнале.

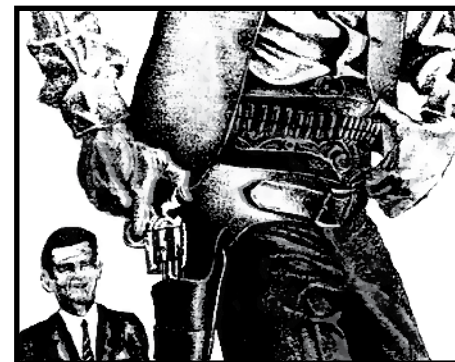
— Подробности вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг с порывистым вздохом покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу, а сигнал еще не будет перехвачен, — обронил Серси, — то нашу планету никогда не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, — согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель Президента США, прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей империи.

— Мне очень жаль, — посол пожал плечами. Наверное, он много раз участвовал в подобных переговорах на множестве других планет. — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Не могу. Однако я разрабатываю для вас философию. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Из новой философии вам станет ясно...

Серси выхватил пистолет. Шесть пуль было послано в голову и тело посла. И посол исчез.

Серей переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол появился вновь.

— По-вашему, это так легко? — сказал он. — Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью. — Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. — Убить меня вы не властны. Всего доброго, джентльмены, — сказал посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт.

— Надеюсь, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси. Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул.

— Видел и заснял на пленку.

Серси подошел к экранам. (Квартиру для посла скоропалительно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и бог знает чем еще.)

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси. — Пора приступить к плану № 2.

Из соседней комнаты появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

— Можно? — спросил он.

— Можно, — ответил Серси, не отрывая глаз от экрана.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился в что-то вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Огонь исчез.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер.

Потом уселся в обгорелое кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

— Самое время собрать военный совет, — сказал Серси.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал ее медленно раскуривать.

— Итак, — начал Серси, — правительство свалило все на наши плечи. Посла надо уничтожить, иначе Земля станет колонией. Ответственность за это возложена на меня. — Серси смущенно улыбнулся. — Вероятно, наверху никто не хочет отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть идеи?

— Как насчет плана № 3? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него, — сказал Серси. — Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже, — согласился Дарриг. — Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

— Вот это — первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

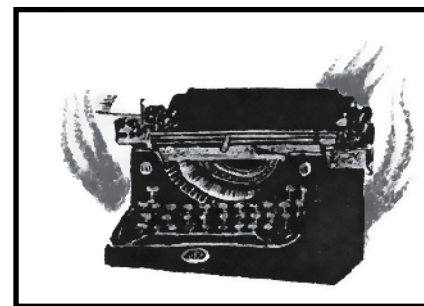
— Есть, — отчеканил Мэлли и вышел.

— Гаррисон, — сказал Серси, — к осуществлению плана № 3 все подготовлено?

— Конечно.

— Попробуем.

Серси тщательно подобрал себе штат. Первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась. Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно, — одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно осерился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он отодвинулся, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувыркнулся, не обнаружив добычи на месте. На безлюдье лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь очутился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

— Сдаюсь, — сказал Мэлли. — Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, упёрся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивал виски. Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Да?

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига. — Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Дарриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

— Привет, — сказал он небрежно.

— К дьяволу приветы! — зарычал Серси. — Почему так долго?

— В пути я познакомился с философией посла, — ответил Дарриг. — Это шедевр.

— Поэтому вы и задержались?

— Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал:

— Оставим это. В чем же...

— Нельзя это оставить, — перебил Дарриг странным, напряженным голосом. — Боюсь, что мы заблуждались. Относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями. Земля — колонией, это будет вполне и разумно и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Голос Даррига дрожал, со лба градом струился пот:

— Я понял... да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на совершенно спокойного физика. — Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно, — бормотал Дарриг. — Я знаю, что я думал... теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

* * *

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли еще добавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, — неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

* * *

На следующий день пиявка достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхил ходил вокруг пиявки и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из известных веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

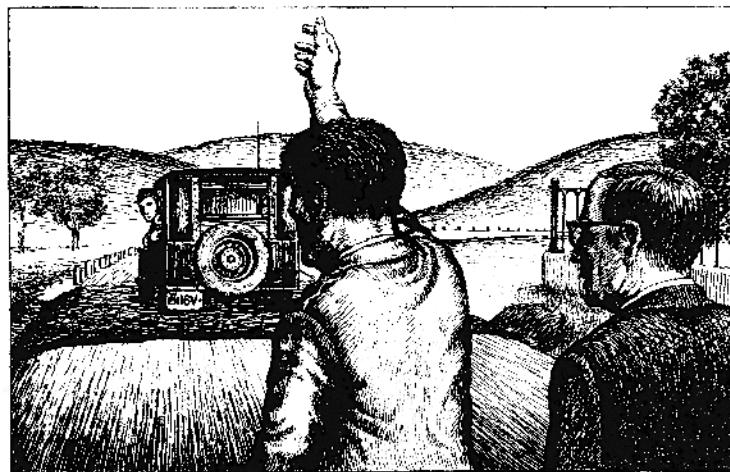
Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхил понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать, — Майкхил рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать, — сказал генерал. Он подошел ближе и пристально посмотрел на пиявку. — Вы говорите, ломом ее не скovyрнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно, — Майкхил слабо улыбнулся.

— Шофер, — бросил генерал через плечо, — поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхил хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — особая штука. Нужно дать им возможность посообразовать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

— Я не приказывал останавливаться, — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр, — запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и окончательно замер.

— Простите, — сказал Майкхил, — но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

«Сэмиш, мне нужна помощь и еще раз помощь. Созданная ситуация потенциально опасна, поэтому приезжай немедленно.

Я лишний раз убедился в твоей правоте, дружище Сэмиш. Ни при каких обстоятельствах мне не следовало полагаться на землян. Это на редкость легкомысленная раса, как ты постоянно подчеркивал.

Но они не столь бестолковы, как кажутся на первый взгляд. Я начинаю думать, что изящество щупалец не есть единственный критерий разума.

Положение не из завидных, Сэмиш! А поначалу план казался таким надежным и безопасным...»

Рис. А. Викторова

Эд Дейли видел поблескивание металла за дверью коттеджа, но выяснять, что к чему, не стал — ему еще слишком хотелось спать.

Он проснулся вскоре после восхода солнца и на цыпочках вышел наружу взглянуть на погоду. Особых надежд она в него не вселила. Всю ночь дождь лил как из ведра, и вода капала с каждого листочка и с каждой ветки близ растущих деревьев. Фургон, на котором он приехал сюда, был полузатоплен, а грунтовая дорога, поднимающаяся по склону горы, погребена под футовым слоем грязи.

Друг Эда Тарстон подошел к двери в пижаме, его круглое, безмятежное, как у Будды, лицо покраснело от сна.

— Вот всегда так, в первый день отпуска дождь льет, — заметил Тарстон. — Закон природы.

— Зато в такую погоду форель хорошо ловится, — сказал Дейли.

— Не спорю. Но еще лучше развести в камине огонь пожарче и попивать горячий маслянистый ром.

Последние одиннадцать лет они проводили короткие осенние отпуска вместе, но по разным причинам.

Дейли питал романтическую любовь к туристскому и охотничьему снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов увешивали

— Ну кто же не мечтает? К чему ты клонишь?

— Эти животные, — сказал Дейли, — единственные в своем роде. Мы подарим их музею.

— Как это? — с интересом осведомился Тарстон.

— Выставка Дейли — Тарстона неизвестных до сего времени животных.

— Их могут назвать нашими именами, — подхватил Тарстон. — Ведь это мы их открыли!

— Обязательно назовут! Наши имена встанут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Хм. — Тарстон задумался. — На мой взгляд, самое подходящее место — Музей естественной истории. Я уверен, они возьмутся за организацию выставки.

— Я подразумевал не выставку, а филиал музея, — сказал Дейли. — Филиал имени Дейли и Тарстона.

Тарстон с изумлением посмотрел на приятеля. Он никогда не представлял, что у Дейли могут рождаться грандиозные планы.

— Блестяще, Эд, но у нас пока только три экземпляра. Для филиала этого маловато.

— Лиха беда начало. Пойдем проверим капкан...

На этот раз в капкан попало существо высотой почти три фута, с маленькой зеленой головой и раздвоенным хвостом. У него была по меньшей мере дюжина толстых червеобразных отростков, и оно яростно размахивало всеми двенадцатью.

— До сих пор попадались спокойные, — опасливо проговорил Тарстон. — А это фурия какая-то.

— Ничего, возьмем сетку и справимся, — решительно ответил Дейли. — А потом свяжемся с музеем.

Изрядно попотев, они пересадили извивающееся существо в клетку. Капкан был снова включен, и Дейли послал в Музей естественной истории телеграмму следующего содержания:

«ОТКРЫТЫ МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ЖИВОТНЫХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НЕИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ тчк ИМЕЕТСЯ ЛИ МУЗЕЕ МЕСТО ДЛЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ВЫСТАВКИ тчк ЖЕЛАТЕЛЕН ПРИЕЗД ВАШЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ тчк»

Затем по настоянию Тарстона он добавил несколько комплиментов музею, чтобы там не сочли его чудачком.

За обедом Дейли излагал Тарстону свою теорию. Он был твердо убежден, что в этой части гор существует изолированный первозданный уголок, в котором сохранились доисторические животные. Их не поймали раньше, потому что — вследствие древности видов — они приобрели огромный опыт и необыкновенную осторожность. Но их опыта оказалось недостаточно, чтобы избежать капкана, действующего на качественно новом принципе осмотической ячейки.

— Весь Адирондак изъезжен вдоль и поперек, — пробовал возразить Тарстон.

— Значит, не весь, — ответил Дейли. И логика была на его стороне.

Потом они возвратились к капкану. Он был пуст.

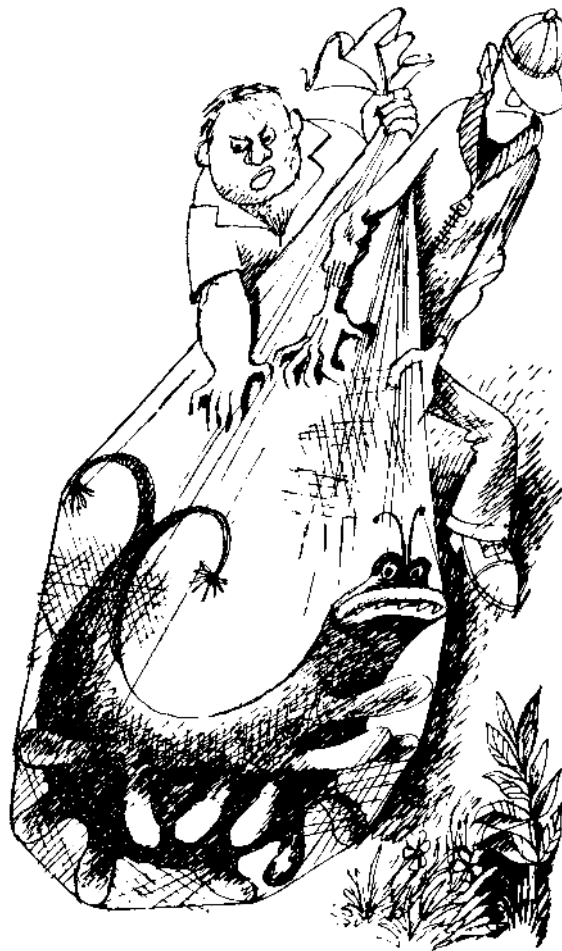
«...Я едва слышу тебя, Сэмиш. Будь любезен, прибавь громкость. Или еще лучше, приезжай сюда лично. Что толку от пустых разговоров? Мое положение становится все более отчаянным.

Что, Сэмиш? Продолжение истории? Оно вполне очевидно. После успешной передачи трех животных у меня все было готово. Оставалось рассказать обо всем жене.

Поэтому я попросил ее поползти со мной в сад. Она была польщена.

— Поделись со мной, милый, — сказала она, — что-нибудь беспокоило тебя в последнее время?

Я промычал что-то невнятное.

Бэкстер отрицательно покачал головой. Он не причислял себя к храбрецам, но он скорее умрет, чем уступит Сент-Джону или примет от него что-нибудь. Он отогнал все свои прежние мысли прочь. Какой бы оборот ни приняли дальнейшие события, он не может жить как прежде. Согласно принятой в прошлом месяце Поправке к Закону о местожительстве увеличенных семей Стив был обязан принять под свою крышу трех незамужних двоюродных сестер и вдовствующую тетю, чья полуподвальная однокомнатная квартирка в Лейк-Плэсидском индустриальном комплексе оказалась сметенной с лица земли новым туннелем Олбани — Монреаль.

Даже при противошоковых уколах десять человек в одной комнате многовато. Он просто обязан выиграть земельный участок!

— Я побегу, — спокойно сказал Бэкстер.

— О'кэй, шенок, — проскрипел Сент-Джон, и злое выражение исказило его жестокое, сардоническое лицо. — Пеняй на себя!

— Господа, на старт! — выкрикнул Главный Судья.

Претенденты замолчали и выстроились на Стартовой Черте, прищутив глаза и плотно сжав губы.

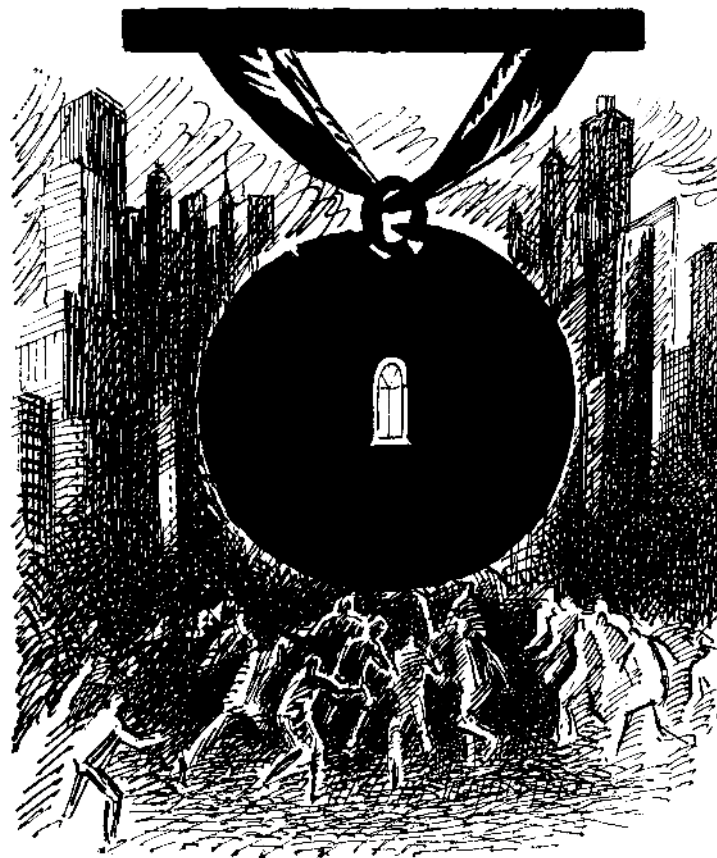
— Внимание!

Мышцы сотни ног напряглись, когда пятьдесят полных решимости соискателей подались вперед.

— Марш!

И Бега взяли старт!

Ультразвуковой гудок временно парализовал окружающую толпу. Претенденты протиснулись между застывшими телами и с максимально возможной скоростью прошли вдоль длинных рядов застрявших в пробке автомобилей. Затем участники Бегов разделились, но большинство направилось на восток, к реке Гуд-

ПРОБЛЕМЫ ОХОТЫ

Рис. Г. Новожилова

Это был последний военный сбор перед Большим Праздником скаутов, и на него прибыли все отряды. Отряд № 22 — «Парящий сокол» — расположился в тенистой ложине и нес передовой дозор. Отряд № 31 «Отважные бизоны» — патрулировал небольшую речушку. Одновременно «бизоны» упражнялись в питье жидкости и возбужденно хохотали над непривычными ощущениями.

Отряд № 19 — «Охотники на мирашей» — ожидал разведчика Дрога, как всегда, опаздывавшего.

Дрог, со свистом спустившись с высоты десять тысяч футов и обретя твердое тело, торопливо присоединился к группе скаутов.

— Уф, — сказал он, — простите, я не думал, что уже...

Командир отряда свирепо уставился на него.

Вокруг захихикали. Дрог густо покраснел. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Этот сбор мне хотелось бы начать с «Клятвы Скаутов», — сказал Командир.

Он прокашлялся и продолжил: — «Мы, юные скауты планеты Элбонай клянемся увековечить знания и опыт наших предков-пионеров. Для этой цели мы принимаем их облик и становимся такими, какими были они, когда покоряли девственные просторы Элбоная. Мы клянемся...»

Разведчик Дрог настроил свои слуховые рецепторы, чтобы лучше слышать командирскую речь. Он всегда очень волновался, когда слышал «Клятву Скаутов».

Витор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной и великолепной конструкцией.

— Справишься с ним? — спросил Барнетт.

— Думаю, что да, — ответил Эйджи. — Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют аналогичные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не так уж много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Витор.

Из леса, отстоявшего от корабля на триста ярдов, показалась и стала приближаться какая-то фигура.

Эйджи и Витор одновременно выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов и шириной в фут. Головы пришелец не имел.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями; две, почти скрытые травой, служили для ходьбы, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольника виднелись два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Странный тип, скажу я вам. — Эйджи установил прицел на бластере. — А что, если он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да, — пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер,

— Дистанция двести ярдов. — Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. — Или вы хотите сначала вручить ему свою визитную карточку?

— Много чести, — усмехнулся Барнетт. — Подождем немного, пусть подойдет поближе.

чу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро улетучились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты.

Витор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и начал растирать ему грудь, ругаясь вполголоса. Наконец веки Эйджи задрожали, и вскоре он пришел в себя.

— Откуда взялся дым? — простонал Витор.

— Боюсь, что наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, — высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел, — прервал его Барнетт. — К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо, — уныло пробурчал Эйджи,

Трое мужчин переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Витор и выхватил бластер.

— Помолчи! — велел Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к зрительному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали багровым светом открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи. — Наши бластеры...

— Не убили его — мрачно закончил Барнетт.

— Скверно, — пробормотал Эйджи. — Очень скверно.

Витор все еще держал бластер в руках.

— Уберите его! — завопил Барнетт.

Витор, сбросив оцепенение, попытался было схватить зловещную руку, но та резко повернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем, будто она принадлежала виртуозу хирургу, рука своим лезвием искусно раскроила куртку Барнетта сверху до самого основания и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, державшее Барнетта, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Оно дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло в нерешительности. Внутренний механизм встревоженно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и опять неуверенно остановилось.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тут же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Витор изо всех сил ударил по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть испуганного Барнетта голым по пояс. Когда же под дикий крик капитана щупальце вынырнуло вновь, Витору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце прикоснулось к нежной теплой коже на груди пленника и одобрительно хмыкнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все казалось ясным без слов.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин, не имея

с два, это стервятники! Они даже оставили койотов в покое, предвкушая более аппетитную добычу — крупную, двуногую...

Халлоран заставил себя сесть. Подумай, подумай еще...

С точки зрения Макса, все разумные существа, знающие пароль, — земляне, а все разумные существа, не знающие пароль, — туземцы.

Это значит, что...

На мгновение Халлорану показалось, что он нашел выход. Но он никак не мог сосредоточиться. Наглюющие птицы едва не задевали его своими крыльями. Из-за камня вылез койот и, мерзавец, принялся к его ботинкам...

Думай, черт побери, думай!

Ведь объективно Макс глуп как пробка. Критерии, которыми он руководствуется, элементарны, как таблица умножения. Халлоран внезапно вспомнил слова Платона, что человек — это двуногое существо без перьев. Когда Диоген принес ему ошипанного цыпленка, Платон был вынужден изменить свое определение: человек — двуногое существо без перьев, но с широкими ногтями.

Впрочем, какое отношение это имеет к Максусу?

Халлоран потряс головой, но перед глазами стоял образ цыпленка ростом в шесть футов, без перьев и с широкими ногтями.

— Черт побери! — воскликнул Халлоран. — Что за дурья башка! Как же я раньше не догадался?

Через три земных дня капитан Битти и Джеймс вернулись в лагерь. Они увидели Халлорана, который лежал без сознания и нес какую-то чепуху. Лейтенант хрипло бормотал, что Платон не пускает его в лагерь, что он, Халлоран, превратился в шестифутового цыпленка без широких ногтей и таким образом перенял все лучшее от ученого профессора и его приятеля — робота.

Источники

Шекли Р. Рассказ о шпионах: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. и Л. Колесниковых; худож. В. Горяев // Огонек. — 1960. — № 25. — С. 10–13.

Шекли Р. Премия за риск: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. М. Данилова, Б. Носика; худож. А. Гусев // Искатель. — 1962. — № 3. — С. 114–128.

Шекли Р. Стоимость жизни: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Г. Иткиса; худож. Е. Бачурин // Наука и жизнь. — 1962. — № 6. — С. 64–68.

Шекли Р. Бунт спасательной лодки: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Явно, Н. Лобачева; худож. Н. Гришин // Вокруг света. — 1964. — № 11. — С. 28–32.

Шекли Р. Земля, воздух, огонь и вода: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Лобачева; худож. В. Немухин // Искатель. — 1965. — № 1. — С. 70–77.

Шекли Р. Экспедиция с Глома: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой, Ф. Широкова; худож. К. Эдельштейн // Вокруг света. — 1965. — № 10. — С. 4–9.

Шекли Р. Мусорщик на Лорее: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. О. Целков // Знание – сила. — 1965. — № 12. — С. 26–29.

Шекли Р. Особый старательский: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. А. Иорданского; худож. Г. Кованов // Искатель. — 1965. — № 6. — С. 90–109.

Шекли Р. Заяц: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. Н. Гришин // Знание – сила. — 1966. — № 1. — С. 62–64.

Шекли Р. Человеко-минимум: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. Н. Гришин // Знание – сила. — 1966. — № 2. — С. 62–64.

Шекли Р. Кое-что задаром: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Т. Озерской; худож. Е. Шукаев // Огонек. — 1966. — № 3. — С. 24–27.

Шекли Р. Запах мысли: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. С. Веча // Вокруг света. — 1966. — № 4. — С. 54–59.

Шекли Р. Раздвоение личности: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. Ю. Сарафанов // Знание – сила. — 1969. — № 10. — С. 56–60.

Шекли Р. Дипломатическая неприкосновенность: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Н. Евдокимовой; худож. А. Антонов // Знание – сила. — 1970. — № 3. — С. 42–45.

Содержание

Шекли Р. Пиявка: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. Е. Цветкова; худож. Э. Назаров // Знание – сила. — 1971. — № 7. — С. 42–45.

Шекли Р. Капкан: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. С. Левицкого; худож. А. Викторов // Искатель. — 1973. — № 2. — С. 115–125.

Шекли Р. Ловушка для людей: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. С. Левицкого; худож. А. Гусев; послеслов. ред. // Искатель. — 1974. — № 5. — С. 54–68.

Шекли Р. Проблемы охоты: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. А. Санина; худож. Г. Новожилов // Смена. — 1976. — № 14. — С. 29–31.

Шекли Р. Руками не трогать: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. А. Санина; худож. В. Колтунов // Искатель. — 1978. — № 1. — С. 122–139.

Шекли Р. Макс выполняет свой долг: фантаст. рассказ / Р. Шекли; пер. с англ. А. Санина; худож. В. Колтунов // Искатель. — 1978. — № 3. — С. 90–69.

Рассказ о шпионах	4
Премия за риск	24
Стоимость жизни	48
Бунт спасательной лодки	64
Земля, воздух, огонь и вода	82
Экспедиция с Глома	94
Мусорщик на Лорее	114
Особый старательский	132
Заяц	166
Человеко-минимум	180
Кое-что задаром	212
Запах мысли	232
Раздвоение личности	252
Дипломатическая неприкосновенность	282
Пиявка	302
Капкан	322
Ловушка для людей	338
Проблемы охоты	362
Руками не трогать	380
Макс выполняет свой долг	410

По мнению некоторых критиков в творчестве Роберта Шекли заметно плодотворное влияние таких писателей, как Джонатан Свифт и О'Генри.

Хотя произведения Шекли и публиковались постоянно, но его известность на родине никогда не была особенно широка — возможно, сюрреалистические сюжеты рассказов, самоирония автора и его несвязанность обычными приемами научной фантастики затрудняли их восприятие массовым читателем. Однако удивительным образом эти же произведения, опубликованные на русском языке, мгновенно сделали Шекли одним из самых читаемых и любимых в СССР зарубежных писателей-фантастов.

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА
ЖУРНАЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ЧЕЛОВЕКО-МИНИМУМ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ЗФ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

Роберт Шекли родился в Бруклине (Нью-Йорк) и вырос в Нью-Джерси. После окончания школы проходил армейскую службу в Корее (с 1946 по 1948 годы), затем учился в Нью-Йоркском университете, специализируясь в гуманитарных дисциплинах. Он также прослушал факультативный курс литературного творчества у Ирвина Шоу. По окончании университета работал на металлургическом заводе.

Рассказы Шекли отличает парадоксальный взгляд, позволяющий представить, казалось бы, самые обычные обстоятельства с необычной стороны и благодаря этому ярко показать человеческий или социальный тип. Одним из основных интересов Шекли всегда было социальное поведение конкретного человека, его стереотипы, которые писатель высмеивал безжалостно и ярко.

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА
ЖУРНАЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ

Роберт
Шекли

ЧЕЛОВЕКО- МИНИМУМ

З

А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф

А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А